

Секретный агент Багира

Марина Серова

С корабля на бал

«Научная книга»

Серова М. С.

С корабля на бал / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Секретный агент Багира)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

С корабля на бал

Глава 1

Неудавшаяся передышка

Последняя неделя моего боевого существования – именно существования, и именно боевого, потому как жизнью это назвать нельзя, – выдалась бурной. Самым невинным и малохлопотным ее эпизодом была коротенькая баталия с бульдогом моего соседа, мерзким средоточием злобы и прожорливости на четырех кривых лапах, оснащенным чуть ли не сотней острейших зубов.

На этих-то кривых лапах он и припустил ко мне, и этими-то жуткими зубами он и вцепился в мой только что купленный в дорогом бутике плащ и распустил его на полосы. Хорошо еще, что не добрался до ноги... наверно, потому, что упомянутой ногой я так врезала ему по голове, что зубастая помесь крокодила и гиены отлетела метра на два и конвульсивно задрывала лапками.

Тут – как раз кстати – подоспел его хозяин, молодой человек бандитской наружности и непомерной окружности, живущий в особняке напротив моего дома. Надо сказать, этот субъект мало чем отличался от своего пса и интеллектом, и доброжелательностью.

Последующую сцену – с монологом вышеописанного господина, отчаянно потрясающего брюхом, – опускаю по этическим соображениям.

Несложно предположить, что если обозначенный выше инцидент затруднил меня меньше всего, то остальное было гораздо хуже.

Но я удачно справилась с возложенными на меня поручениями и теперь расслабленно лежала в джакузи и смотрела телевизор, рассчитывая убивать таким образом свой досуг еще хотя бы пару суток.

Мне хотелось одиночества. Сейчас чье-либо общество меня не вдохновило бы.

И уж совсем не хотелось соприкасаться с криминальной тематикой, которой в последнее время было в избытке.

Перед глазами у меня бессознательно всплыло воспоминание из недавнего прошлого – перекошенная болью и ужасом физиономия прекрасно одетого толстяка, директора одной фирмы, застреленного на пороге собственного дома. И как раз в этот момент миловидная дикторша выдала:

– Вчера в Санкт-Петербурге произошло новое громкое убийство. Убит президент одного из крупнейших частных банков Северной столицы «Норд-вест-банк» Даниил Демидов. Это произошло на вечере в одном из элитных лицеев Петербурга, в котором учится дочь Демидова – Анна. Как утверждает баллистическая экспертиза, Демидов был застрелен с расстояния в несколько сантиметров. По всей видимости, выстрел был произведен из малокалиберного пистолета марки «беретта». В нашей студии находится первый заместитель начальника третьего отдела РУОПа по Санкт-Петербургу Валерий Коннов...

Я, уже было вознамерившись переключить телевизор на другой канал, задержала палец на кнопке пульта дистанционного управления.

И было отчего.

Валеру Коннова я хорошо знала. В свое время он также работал во внешней разведке вместе со мной, и точно так же был отчислен из элитного ведомства после провала операции в Югославии. Давно, еще во времена войны в Боснии.

А теперь, значит, Валера борется с оргпреступностью, да еще в Северной Пальмире, называемой криминальной столицей России.

Послушаем.

– Валерий Абакумович, что вы можете сказать по поводу этого нового, и по всей видимости заказного, убийства?

– Несомненно, убийство имеет ряд интересных особенностей, отличающих его от многих других преступлений заказного порядка. Во-первых, убийство было совершено в прекрасно охраняемом помещении, буквально напичканном секьюрити – как Демидова, так и других влиятельных и богатых людей. Напомню, все произошло в петербургском лицее, в котором учится дочь банкира. Откровенно говоря, мне непонятно, каким образом убийца мог приблизиться к Даниилу Олеговичу на столь близкое расстояние, выполнить свою работу и скрыться незамеченным. Начальник охраны утверждает, что между моментом, когда шеф сказал ему последнюю фразу, и моментом, когда обнаружилось... когда обнаружили, что Демидов мертв, – между этими моментами прошло не более двадцати секунд. Передвижение каждого человека по залу тщательно отслеживалось. Сразу же после выстрела, которого никто не слышал, начальник охраны Демидова, Свистунов, поднял тревогу, и зал был оцеплен. Никто не мог выйти из лицея. Как утверждает Свистунов, помещения лицея были тщательно осмотрены. Убийца не мог исчезнуть, но... – Коннов сделал многозначительную паузу, – но тем не менее исчез. По крайней мере, Свистунов...

– Ах, Свистунов, Свистунов, – сказала я, все-таки переключая на другой канал, – просветел ты свое счастье и тепленькое местечко с небоскрежной зарплатой. Конечно... если только ты не сам убрал своего шефа. А такое бывает... бывает.

Я вылезла из ароматной воды, завернулась в полотенце и направилась к холодильнику, в котором стояло пиво. Вообще-то я пиво не особенно люблю – предпочитаю martini.

Но пиво – расслабляющий, досуговый напиток. Так что сейчас мне хотелось выпить именно его.

Не успела я открыть бутылочку, как затренькал сотовый в кармане висящего на крючке халата. Я поморщилась: номер этого телефона знало считанное количество людей. В Тарасове – не больше пяти человек. И звонили они лишь в случае, если экстренно нуждались в моей помощи.

А это означало только одно – вечер расслабухи можно считать закрытым.

Я вынула телефон из кармана халата и произнесла:

– Я слушаю.

– Юлия Сергеевна? – пророкотал в трубке приятный низкий баритон. – Юля, вас беспокоит Борис Евгеньевич Гроссман.

– Добрый день, Борис Евгеньевич. Рада вас слышать. Чем обязана?

– Простите, что я вас беспокою, Юля, вероятно, вы заняты или, наоборот, отдыхаете, но вот Катя... – Он сделал паузу, в которую я поспешила вставить свое:

– Что такое с Катей?

Катя – это дочь Гроссмана, моего старого знакомого, который ни разу, впрочем, не прибежал к моим услугам и помощи стоящих за моей спиной структур. Нас связывало то, что мой счет находился в «Гросс-банке», председателем правления которого был Борис Евгеньевич. Да еще то, что оба мы посещали один и тот же элитный клуб, где играли в покер, бридж и блэк-джек. В бридж, по мнению многих авторитетных игроков, Гроссман играл едва ли не лучше всех в городе.

Я была вхожа в дом Гроссмана и прекрасно знакома с его семьей: дочерью Катей, милой, хотя и несколько нервной белокурой девочкой десяти лет, голубоглазой, курносой и светлокожей, и ее братом-погодком Сережей.

Жена у Гроссмана умерла, он был вдовцом уже несколько лет.

– С Катей все в порядке, – ответил банкир. – Просто у нее не совсем обычный каприз... вы же знаете ее, Юля.

– И что же пожелала маленькая банкирша? – иронично произнесла я.

– Маленькая банкирша пожелала, чтобы вы пришли сегодня вечером на праздник, который состоится в их гимназии. В семь часов. Пристала ко мне как банный лист: пусть Юля придет. Балованная она у меня, – извиняющимся тоном сказал Борис Евгеньевич.

– Почему же, нормальное желание. А что, вы говорите, там будет?

– Да какой-то вечер. Я, честно говоря, и сам толком не знаю. Но тоже зван. Придется пойти, хотя у меня сегодня важные переговоры по кредитам... в общем, работы хватает.

– У меня тоже, – быстро произнесла я, – ну что ж... а что она сама не позвонила?

– Стесняется, – отозвался Гроссман. – Хотя может и позвонить. Сейчас сидит дома и твердит какой-то немецкий стишок. Ей сегодня с ним выступать. Волнуется. Юля... я очень прошу вас пойти. Катя к вам привязана, она будет очень рада. Без матери растет, я все время на работе... ну, вы же понимаете?

– Конечно, Борис Евгеньевич, – сказала я. – Хорошо, я непременно приду. Только, насколько я знаю, туда иначе чем по пропускам и не попадешь. Гимназия привилегированная, да и не вы один там из высокопоставленных родителей будете. Я, конечно, могу по документам ФСБ, но...

– Не надо, – быстро ответил банкир. – Там будет начальник Тарасовского УФСБ Платонов и соответственно куча его людей, у Платонова сын тоже учится в этой гимназии... а я помню, что у вас с ним отношения не сложились. Так что я сам договорюсь насчет вас.

– Хорошо, Борис Евгеньевич.

– Я вам очень благодарен, Юля. Я знал, что вы не откажетесь. Я пришлю за вами машину в половине седьмого.

– Нет, не надо. Я сама подъеду.

* * *

Гимназия номер два являлась самым престижным средним учебным заведением в городе, оснащенным новейшим школьным оборудованием и укомплектованным прекрасными учителями. В гимназии среди учащихся были дети городской элиты. Она располагалась в просторном трехэтажном доме на Казанской улице. Здание было обнесено высоченной оградой с белыми каменными столбами-основаниями.

Точно такая же ограда была у здания областного правительства.

Впрочем, не исключено, что заказ выполняла одна и та же фирма.

Я подъехала к воротам гимназии, когда сюда уже съезжались многочисленные «мерсы», «БМВ», «Ауди», джипы всех моделей и модификаций. Впрочем, мой серебристый «Ягуар» мог дать фору многим из перечисленных автомонстров как по цене, так и по характеристикам.

Рослый охранник у ворот пристально посмотрел на номер моей машины, потом скользнул глазами по листку в своих руках и махнул рукой – проезжай.

Точно так же не возникло проблем с проходом в гимназию: Борис Евгеньевич все устроил самым удачным образом.

Его и Катю я увидела сразу.

Они стояли у окна и что-то спокойно обсуждали. Катя выглядела довольно веселой, но ее веселость была несколько наигранной. По всей видимости, девочка чувствовала себя немного напряженно и прокручивала в голове все приближающийся момент: она на залитой светом сцене, одна – перед всем залом...

Она была одета в форменное парадное платье гимназии и непрестанно теребила тонкими пальцами рукав.

Борис Евгеньевич, высокий солидный мужчина, еще молодой, но уже лысеющий и несколько одутловатый, выглядел устало и озабоченно.

Веки припухли, глаза были красные от бессонницы. Наверно, мысли его витают где-то далеко от щебетания дочери.

– Добрый вечер, Борис Евгеньевич. Привет, Катя, – сказала я, приближаясь. – Ну что... как дела?

На Катином лице с милыми веснушками, как это бывает у очень светлогокожих людей, вспыхнула широкая улыбка:

– Юля? Пришла, да? А я думала, что ты не сможешь... или не... я рада, что ты пришла. Вот и папа говорит, что ты должна прийти. А я сегодня буду читать на немецком стихотворение этого... Шиллинга. Вот папа говорит, что немецкий язык в нашей области очень-очень... актуален. Правда, папа?

– Правда. Только не Шиллинг, а Шиллер, наверно, – с кислой улыбкой ответил Гроссман. – Шиллинг – это такая английская монета была.

– А у тебя есть?

– Есть, – ответил Борис Евгеньевич, который являлся счастливым обладателем богатой коллекции монет. Многие из них были завидными раритетами и представляли значительную даже в сопоставлении с финансовыми активами Гроссмана ценность.

– Покажешь, как домой придем, – сказала девочка и повернулась ко мне: – А ты, Юля, где такой красивый костюмчик взяла? Папа, я тоже такой хочу.

Гроссман только пожал плечами: ну, видите?

– Катя, одно дело, как одевается девочка, а другое дело – как одевается уже взрослая дама, – сказала я примирительно. – Вот прочитаешь стихотворение Шиллера, поумнеешь...

– Да что ты мне рассказываешь, как трехлетней? – неожиданно довольно грубо перебила Катя. – Взрослые дамы! Взрослые дамы не столько одеваются, сколько раздеваются... да.

– Катя, это что еще такое? – строго спросил Гроссман и поправил галстук.

– А что Катя? Как охранник Юрка приволок телку к нам в дом... рыжую шалаву в точно такой же занюханной кожаной юбке, как вот у Ирки-лахудры из параллели... так это ничего, а как я что, так «Катя, Катя!». Что Катя? И теперь...

– Ладно, нам пора, – поспешила вмешаться я, – а то скоро концерт начнется.

– Да, конечно, – спокойно сказал Гроссман, которому такие монологи дочери, по всей видимости, были не в диковинку.

Борис Евгеньевич повернулся и медленно направился по коридору, а за ним в некотором отдалении последовал словно связанный с боссом невидимыми нитями телохранитель.

Второй бодигард, высокий атлетичный парень модельной внешности, посмотрел на Катю довольно свирепо, и по выражению его аккуратно выбритого лица и по тому, как раздулись узенькие ноздри и искривились губы, выталкивая какое-то ругательство, – по всему этому я поняла, что упомянутый Катей аморальный охранник Юрка и этот молодой человек, косо глядящий на дочь своего босса, есть одно и то же лицо...

Глава 2

Тарасовский римэйк питерского «гимназического» инцидента

Сидя в первых рядах большого актового зала гимназии, я не вслушивалась и не вглядывалась в то, что говорили, разыгрывали и пели на сцене отпрыски влиятельных родителей. Банкир Гроссман и вовсе не смотрел на гимназистов, а вполголоса говорил по мобильному телефону и косился куда-то вправо, как будто увидел там интересующего его человека.

Клеветнически опороченный еще в коридоре красавчик-охранник Юра время от времени поглядывал в мою сторону и интенсивно сопел.

Насколько я могла судить, в зале в самом деле была масса «новых русских» и деятелей городской администрации и иных госструктур: налоговой полиции и инспекции, прокуратуры, ФСБ, госавтоинспекции и так далее. То и дело стрекотали сотовые, и недовольные голоса, кто тихо, кто на ползала, вещали, что сейчас не могут говорить, потому что «у Вовки (Ирки, Аньки, Лешки) тут вроде как школьный вечер или че-то наподобие... в общем, гниляк, как у тебя на заседании совета директоров, Петрович».

За спиной гудел содержательный диалог:

– Че, Димыч, может, поговорим с Агафоновым насчет мазута? А то он мне по факсу насчет алюминия грузил, так я ему сказал, что есть два вагона, нужно на реализацию ставить в срочняк.

– Да у него с налом сейчас крайне туго, потому что он заплатил за партию оргтехники, а со счетов еще налоговая не снялась.

– Заморожены?

– Ну... как тебе сказать...

Тут вмешался женский голос:

– Сергей, ты бы хоть на сына посмотрел, а не про работу... тошно слушать про все эти налы, безналы, налоговые... А ты, Тимофеев, моего не сбивай. Деятели!

Но я не особо воспринимала эти разговоры, в голову шло другое.

Я вспомнила о том, что говорил сегодня по телевизору Валера Коннов. Интересное совпадение. Вероятно, убитый в Петербурге банкир Демидов вот так же сидел в зале, на сцене которого выступала его дочь. Точно так же, как сейчас Гроссман и эти, за спиной.

Возможно, он так же не слушал и не видел ничего вокруг себя, углубившись в мысли о проблемах в бизнесе. И как раз в такой момент и застала его роковая пуля – прилетевшая словно ниоткуда.

Выпущенная невесть кем.

Я невольно скосила глаза: Борис Евгеньевич, убрав мобильный телефон, поднял глаза и смотрел на сцену, на которой в данный момент появилась молоденькая девушка, вероятно ученица старших классов, и произнесла:

– А сейчас Катя Гроссман прочтет отрывок из пьесы Фридриха Шиллера «Разбойники». Сценическое сопровождение: ученики пятого филологического класса...

Пока шли имена ребят, которые должны были представлять сценическое сопровождение, свет в зале померк. И только за спиной стоящей на сцене девушки-конферансье все сильнее разгоралось стилизованное под восход солнца розоватое зарево.

А тут неплохие световые эффекты, надо сказать.

Впрочем, толстосумы, которые собрались в зале, могут в два счета соорудить своим детишкам хоть лазерное шоу по европейским клубным стандартам.

В воздухе возник глубокий, протяжный звук... потом звук со сцены разросся так, что заглушил все голоса, и стрекотание мобильных, и чье-то унылое посапывание, и бас красного толстяка с ментовской рожей, рывкнувшего было в телефон: «Не-а... сегодня в СИЗО не поеду... не поеду, сказал!»

Музыка из невидимых колонок дошла до максимума, казалось, затрепетал воздух... а затем все как-то сразу оборвалось, и на сцене замелькали маленькие фигуры, облаченные в костюмы позапрошлого века. На них навели два прожектора, сцена ярко осветилась, и я увидела четверых мальчиков со шпагами в лихо заломленных шляпах с перьями... мальчики изображали яростную дуэль.

И еще – на сцене стояла девочка. Катя Гроссман. Вокруг нее дрались «разбойники», а она откинула голову и начала глубоким, плавным, чуть дрожащим голосом читать Шиллера.

Тут я начала слушать. Немецким я владела в совершенстве, а вот творчество Шиллера знала не очень хорошо.

Надо сказать, Катя читала неплохо.

Я всегда отмечала у нее актерские данные, а сейчас к тому же выяснилось, что у нее отличное произношение.

Все-таки вторая гимназия, а не какое-нибудь сельское учебное заведение.

Катя закончила. Послышались жалкие аплодисменты, снова за спиной возник разговор о поставках мазута в Волгоградскую область.

Катя стояла на сцене. Смотрела в зал. В ее глазах было странное, остолбенелое смятение.

В какой-то момент ее испуганный взгляд столкнулся с моим, и я машинально повернулась, чтобы посмотреть туда, куда за доли мгновения перед этим метнулись перепуганные глаза девочки.

Туда, где сидел ее отец.

...И когда я увидела его, а за его спиной вдруг встала во весь рост какая-то женщина и громко, хрипло закричала от ужаса – ее крик перекрылся пронзительным детским – летящим со сцены:

– Па-апа-а-а-а!!

Борис Евгеньевич полулежал в кресле, свесившись головой вперед, к коленям, и по виску, по шее его, по белоснежному воротнику рубашки стекала тонкая струйка крови.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять: Гроссман мертв.

Эта страшная оледенелость позы, в которой застыл банкир, эта беспомощно свесившаяся с подлокотника кресла рука, по всей видимости, сведенная легкой судорогой, полуоткрытый рот и молочно-стеклянная полоска глазного яблока – все это могло навести только на такой жуткий вывод.

Багровая точка пулевого ранения виднелась на левом виске Бориса Евгеньевича.

Юра, сидевший рядом с Гроссманом, пораженный ужасом и изумлением, схватил шефа за плечо, дернул на себя:

– Борис Евгенич! Борис Евгенич!

В зале поднялся переполох. Люди повскакивали с мест, протолкавшийся к мертвому банкиру человек в черном костюме уже вовсю отдавал распоряжения никого не выпускать из гимназии, а Юра все так же держал руки на плече босса, его смазливое лицо как-то сразу обмякло и утратило всю мужественность, став потасканно-бабьим... он шлепал губами и растерянно бормотал:

– Да ведь он только что был жив! Да ведь я только что с ним разговаривал!

– Когда ты с ним разговаривал? – повернулся к нему человек в черном костюме.

– А... – Юра дернул здоровенным плечом и скривил рот в гримасе сомнения: – А вы кто такой?

– Я генерал Платонов из ФСБ, – не повышая голоса, ответил тот, но тем не менее этих слов хватило, чтобы Юра сморщился, съежился и ответил главному гэбэшнику области:

– Да он... вот только что... вот только что был жив-здоров. Он мне сказал, что...

– Что сказал?

– Э-э-э...

– Он сказал: после окончания вечера отвезти Катю домой, потому что за самим Борисом Евгеньевичем должны были заехать из немецкого посольства и ехать в Покровск, – за оторопевшего Юру ответила я. – Да, я забыла поздороваться... добрый день, Юрий Леонидович. Хотя после таких эксцессов можно в этом усомниться, так?

Генерал Юрий Леонидович Платонов покосился на меня откровенно недобро, а потом снова повернулся к Юре и проговорил, нет, процедил сквозь сжатые тонкие губы:

– Болван!

После этого он повернулся ко мне и сказал:

– По-моему, в нашу последнюю встречу, Максимова, возле вас и тогда пахло трупным мясом. Я не прав?

Я хотела было ответить, но в этот момент сбоку ворвался режущий крик: «Папа-а!» – и к телу Гроссмана припала Катя...

* * *

– Я же сказала, что не видела и не слышала ничего. Наверно, именно в тот момент, когда померк свет и заиграла музыка, и был произведен этот выстрел. Вот только никак не могу понять, как это удалось сделать.

Следователь прокуратуры, рябой майор с усталым узким лицом, хорошо мне знакомый по ряду служебных контактов, посмотрел на меня так, словно ничего не понимал.

– Дело нехорошее, – наконец выговорил он. – Очень нехорошее, Юлия Сергеевна. Генерал Платонов рекомендовал допросить вас с пристрастием. Я не знаю, в чем он вас подозревает, но то, что мы нарыли по убийству э-э-э... Гроссмана... все это... как-то концы с концами не увязываются. Не сходятся.

– Ну, генерал Платонов не является вашим непосредственным начальством, – пожалала плечами я. – А что касается материалов по делу, так я с вами согласна. Непонятно. Более того, добавлю мути. Вы не слышали о питерском убийстве банкира Демидова?

– Н-нет.

– И напрасно. Должны были бы знать – прокуратура все-таки. Потому что происшедшее в Питере и вот это убийство банкира Гроссмана выполнены как под копирку. Совершенно одинаковые обстоятельства. Ведь место происшествия и в том и в другом случае было мгновенно оцеплено и взято под контроль. И тем не менее – никого. Ни следа. Такое впечатление, что заказы выполнял один и тот же человек, причем невидимка. Странно даже подумать, что в зале, забитом под завязку сотрудниками спецслужб, высокопоставленными ментами и охраной «новых русских», возможно осуществить такое... то, что произошло.

– У вас, кажется, есть счет в банке Гроссмана? – спросил следователь.

– Да. Могу добавить, что счетом в банке Гроссмана мои отношения с Борисом Евгеньевичем не исчерпываются. Нет, вы не то подумали, – добавила я несколько поспешно, потому что тот с интересом поднял голову и в глазах вспыхнули искры иронии, – просто я хорошо знакома и с Гроссманом, и с его семьей. С сыном и дочерью. Именно по просьбе его дочери Кати Гроссман и пригласил меня на этот вечер.

– Вам не кажется это странным?

– А почему это должно казаться мне странным?

– Вы знаете, – следователь закурил и выпустил в сторону струйку дыма, – вы знаете, все наши, да и из ФСБ тоже, сходятся на том, что убийство Гроссмана было обставлено... ну, как нарочно, что ли. В людном месте, в присутствии руководителя областного управления ФСБ. Как издевались. И ведь надо же так подобраться... Выстрел был произведен с расстояния не более пяти-шести метров...

– ...из малокалиберного пистолета, по всей видимости, марки «беретта», – договорила я.

Он подозрительно прищурил глаза, что, впрочем, не являлось у него признаком зародившегося нехорошего предчувствия в отношении его собеседника, по крайней мере, так было всякий раз, когда мы с ним сталкивались прежде.

– Да. Откуда вы знаете? Я же не говорил о результатах экспертизы.

– Я просто предположила. Дело в том, что в питерском деле, с которым я провожу аналогии, фигурирует именно этот вид оружия. Правда, там стреляли чуть ли не в упор: с расстояния в несколько сантиметров.

– А во второй гимназии, судя по всему, стреляли с пяти-шести метров, с левой стороны зала. То есть – с вашей стороны.

– Я сидела через кресло от Бориса Евгеньевича, если вы клоните к этому, – заметила я. – Кроме того, поспешно делать вывод, откуда именно стреляли, только на основании того, что входное отверстие находится на левом виске Гроссмана. Он просто мог повернуть голову направо в момент выстрела. Кстати, он все время туда и посматривал. Там, как я заметила потом, сидел заместитель начальника налоговой полиции. Вероятно, у Бориса Евгеньевича с ним особо трогательные отношения.

Следователь наморщил лоб:

– Повернул голову... направо? То есть... вы хотите сказать, что стрелять могли непосредственно... со сцены?

– Да, я этого не исключаю.

– Но ведь там было все оцеплено и осмотрено!

Я пожала плечами.

Следователь затаился и несколько секунд, округлив губы, выпускал щегольские колечки, но закончил нервной мечущейся струйкой дыма и бросил:

– Хорошо... Вам знакома фамилия Свирский?

– Свирский? Хозяин «Адаманта»? Да, знаю. Не только фамилию, но и самого Адама Ефимовича. Я видела его в доме Гроссмана. Он муж Аллы Гроссман, родной сестры Бориса Евгеньевича. Более того, я предположу, что именно он теперь будет опекуном Кати и Сережи.

Следователь постучал полусогнутым пальцем по столу, а потом произнес:

– Хорошо, Юлия Сергеевна. Вы можете быть свободны. Только будьте готовы к тому, что вас могут вызвать в любой момент.

– Да, конечно, понимаю. До свидания.

* * *

А дома меня поджидал сюрприз.

По электронной почте мне пришло сообщение следующего замечательного содержания: «Возле Упитанного Зверька в полдень. Будет гость».

Это легковесное на первый взгляд послание заставило меня покачать головой и укоризненно выпустить по адресу Грома, он же Суров Андрей Леонидович, несколько емких высказываний. Можно считать, что так и не начавшийся отдых испорчен не только трагической гибелью Гроссмана, но еще и необходимостью снова приступить к исполнению своих нелегких обязанностей.

А что дело на этот раз предстоит сложное, я не сомневалась: гости из столицы прилетали ко мне нечасто, и каждое появление сотрудника центрального управления отдела ФСБ, руководимого Громом, говорило о том, что следует решать серьезную проблему.

Я присела в кресло. «Будет гость». Скорее всего, жить он будет не в моем доме, в котором, впрочем, можно разместить пол-отдела, а в гостинице. И традиционно будет ждать меня возле «Упитанного Зверька». То есть рядом с памятником Льву Толстому у областной администрации. Мрачная шуточка-иносказание в духе Грома.

И все же – что произошло сегодня на моих глазах в этом кошмаре с покойным Гроссманом в главной роли? Ведь если стреляли с близкого расстояния, то убийца должен был находиться в... даже трудно представить, как такое возможно.

И, конечно, абсолютная тождественность обстоятельств, при которых были убиты в Петербурге – Демидов, а в Тарасове – Гроссман, не могла быть случайной. Таких совпадений не бывает.

Не бывает.

Кстати, не удивлюсь, если Демидов и Гроссман были партнерами по бизнесу и общая проблема объединила их – на этот раз на том свете.

Я взглянула на часы: половина четвертого ночи. С учетом того, что подняться нужно будет не позднее семи и выглядеть при этом не так, как будто всю ночь разгружала вагоны с мукой, на сон остается, прямо скажем, немного. Да еще и сна ни в одном глазу...

Ничего, это дело поправимое. Ритмы организма и режимы его функционирования – вполне подконтрольны мне. Подконтрольны, как мало кому из людей.

Я быстро разделась, упала на кровать и уже через минуту даже не заснула, а провалилась в мутный, без сновидений, тяжелый сон...

* * *

С некоторых пор моя жизнь претерпела существенные изменения.

Моя – это Юлии Максимовой, в отдельных кругах известной как секретный агент Багира. Причем чем больше проходило времени, тем меньше я отличала две мои ипостаси – обычную, так сказать, паспортно-визовую, в которой я значилась как Юлия Сергеевна Максимова, деловая женщина, состоящая в должности юрисконсульта губернатора Тарасовской области. А вторая – спецгент, работающий на сверхзасекреченный отдел, созданный в недрах КГБ... тьфу ты, господи, снова оговорилась... в недрах Федеральной службы безопасности несколько месяцев назад.

Я получила новый социальный статус, в который, помимо всего прочего, входили материальные блага: новый дом, все роскошества современной цивилизации, включая сюда ноутбук за три тысячи долларов с Интернетом, машину марки «Ягуар», а также номинальную синекуру под теплым крылышком губернаторской администрации.

Все это воплотилось в реальность после того, как мой старый товарищ и шеф Андрей Леонидович Суров возглавил тот самый пресловутый отдел при ФСБ, призванный бороться с оргпреступностью и терроризмом.

Я органично влилась в сеть агентов отдела и тут же получила на свою голову и прочие части тела такой ворох проблем, что все мои предыдущие дела показались мне детскими задачками. Хотя бы в плане интенсивности их решения.

Я была оформлена как юрисконсульт губернатора, и только он сам, да еще члены Совета безопасности области, включая генерала Платонова, знали, что я не выполняю никаких функций по своему номинальному месту деятельности.

Надо сказать, Центром были созданы все условия для того, чтобы я успешно выполняла возложенные на меня поручения и даже порой координировала те или иные операции местного

РУБОПа. Можно даже отметить, что я была помещена в условия, максимально приближенные к тем, в которых жили мои потенциальные противники, то бишь криминальные структуры.

Чтобы почувствовала, так сказать, вкус их жизни и рамки их «понятий».

Кроме того, мне был дан фактически карт-бланш на выбор методов действия. Даже из числа тех, что не предусмотрены законом.

Как говорится, с волками жить – по-волчьи выть...

Жила я, конечно, не с волками, но в жилище одного из таких волков.

По всей видимости, тот особняк, в который меня вселили по распоряжению губернатора по указке Москвы, раньше и принадлежал какому-то «волку». То бишь безвременно почившему в бозе «новому русскому». Хозяина убили, дом осиротел, наследничков распугали – и Юлия Максимова получила замечательный особняк в удобном месте, на выезде из города. Окруженный высоким забором, снабженный бассейном, джакузи, подземным гаражом и видом на Волгу.

Мои фиктивные тарасовские работодатели и московские руководители искренне полагали, что достойно противостоять преступности может лишь человек с равными или почти равными финансовыми возможностями.

Вероятно, именно поэтому на мое имя был заведен так называемый «открытый счет», своевременно пополняющийся вне зависимости от того, на сколько он «похудел».

Счет был открыт в банке, председателем правления которого, как я уже упоминала, был Борис Евгеньевич Гроссман.

Ныне покойный.

Глава 3

Встреча

Я вышла из здания администрации и решительно направилась к воротам.

Там, в тридцати метрах от ограды, через дорогу, высилось огромное изваяние великого русского писателя.

Я преодолела ворота и, перейдя через проезжую часть, опустилась на лавку, положив на колени ноутбук. Посидеть в одиночестве не пришлось: буквально через пару десятков секунд рядом присел мужчина и, вынув пачку сигарет, произнес:

– Простите, Юлия Сергеевна, прикурить не будет?

Я повернула голову: плотный, аккуратно выбритый мужчина средних лет. Спокойные серые глаза, твердая линия рта, властный, выдающийся вперед подбородок.

– Это что, пароль? – с еле заметной ноткой иронии спросила я.

– Почему пароль? Просто зажигалку куда-то подевал. А курить никак не брошу. Пытался, да вот что-то не удается.

– Значит, это вы?..

– Совершенно верно, – перебил мужчина. – Меня зовут Василий. Я буду с вами работать. Надеюсь, непродолжительное время.

– Сомнительное заявление, – отозвалась я. – Я так не понравилась с первого взгляда?

– Нет, просто наша совместная работа прервется немедленно после того, как мы решим поставленную перед нами задачу. А я хотел бы выполнить это как можно быстрее.

– Понятно, – протянула я. – Так что, Василий, будем сидеть на лавочке или пройдем в более удобное для разговоров место?

– Этот город закреплен за вами, вам виднее, куда идти, – отозвался Василий.

Я иронично улыбнулась:

– Закреплен за мной? Это вы удачно выразились. Нашему губернатору бы понравилось. А еще больше – местным «законным». В смысле – в законе. А что касается зажигалки, то вам могут предложить прикурить там, куда мы сейчас направимся. Приятное место.

– Что за место?

– Клуб «Эльбрус». Время от времени я хожу туда выпить хорошо приготовленного кофе и поиграть в бридж с сильными партнерами.

– С сильными партнерами? Господа из налоговой полиции, из администрации губернатора, банкиры, бензиновые короли и так далее?

– Ну... можно сказать, что и так.

Клуб «Эльбрус», вопреки звучному и ко многому обязывающему названию, снаружи был довольно-таки непрезентабельным заведением. Вернее, он располагался на втором этаже уродливого – красного с желтым – здания близ Дома правительства области.

Ничей посторонний взгляд никогда бы не заподозрил в нем место элитных тусовок политического, культурного и делового бомонда.

Сюда пускали только по клубным картам, и я довольно часто назначала здесь встречи важным людям. Потому что была уверена: конфиденциальность и безопасность, а также высокий сервис обслуживания гарантируются.

Я предъявила клубную карточку, Василий развернул перед здоровенным мрачным охранником с «узи» свою ксиву, и нас пропустили.

Местом разговора я выбрала небольшую комнату с полностью оборудованным баром в торцовой стене. В нее упирался длинный дубовый стол, по обе стороны которого стояли стулья.

Обстановка чрезвычайно дорогостоящая, если учесть, что эта комната так была напичкана сигнализацией, что и муха не проскользнула бы без ведома охраны клуба.

На столе стояли два больших канделябра с горящими свечами и лежали сигары.

– Вот и закурите, – сказала я, кивнув на пламя горящих свечей, и села на стул. – Мы на месте. Что поручил вам Андрей Леонидович?

– Нам. Нам поручил Андрей Леонидович.

– Ну да.

Василий взял со стола сигару, и в тот же момент бесшумно отворилась дверь, и вошел высокий мужчина в темном костюме и белой рубашке.

Василий поморщился:

– Вы же говорили, что здесь нас никто не побеспокоит, Юля.

– Это служитель клуба. Добрый день, Михаил.

– Здравствуйте, Юлия Сергеевна. Что желаете?

– Принесите нам два кофе. Вы какой кофе предпочитаете, Василий?

– Горячий, – отозвался он.

– Значит, приготовьте как обычно, Михаил.

После того как кофе был подан, мы возобновили разговор. Василий долго нюхал сигару, потом заявил, что она превосходна, и затем произнес:

– Я полагаю, что убийство банкира Гроссмана привело вас к определенным выводам. Все-таки вы присутствовали там, в гимназии, непосредственно. Кроме того, он ваш банкир и вы хорошо знакомы с его семьей.

– Значит, вам уже все известно.

– Конечно. С Суровым связались еще ночью, сразу же после инцидента с Гроссманом. О питерском банкире Демидове вам, разумеется, известно?

– Да. Это и есть то, чем нам предстоит заняться?

– Совершенно верно. И то, что оба убийства фактически идентичны, придает этому делу особый шарм.

– Простите... шарм?

– Так выразился Андрей Леонидович, я же просто его цитирую. Теперь о том, чем мы с вами будем заниматься. Отслеживать мотивы этих преступлений генерал Суров считает бесперспективным: пусть этим занимаются менты и прокуратура. Он рекомендует пойти по другому пути. Вам известно, что Демидов и Гроссман были партнерами? Корреспондентами. «Гросс-банк» является тарасовским контрагентом «Норд-вест-банка», контролировавшегося Демидовым. Но не будем углубляться в финансовые дебри и банковскую терминологию. Дело в том, что в Тарасове у Демидова был еще один важный партнер... их связывали вполне устойчивые и длительные отношения.

– Что это за партнер?

– Фирма «Адамант», которую возглавляет муж родной сестры покойного Гроссмана. Адам Свирский.

– Свирский?

– Да. А что вас удивляет? Обычная спайка еврейского капитала. Семейная порука. Один держит банк, финансы, второй гребет под себя предприятия, производство, третий лоббирует интересы первых двух в кнессете... то есть я хотел сказать – в законодательном органе.

Я кисло улыбнулась:

– Вы антисемит?

Василий даже не улыбнулся, ответил серьезно, как если бы его спросили: «А что вы делали 19 августа 1991 года?»

– Нет. Должность не позволяет. Ладно, на этом лирические отступления можно объявить закрытыми. – Он потер аккуратно выбритый подбородок и продолжал уже по суще-

ству вопроса: – Андрей Леонидович имеет некоторые соображения по тому, как именно стала возможна такая чистая, высокопрофессиональная отработка Демидова и Гроссмана, причем исполненная как будто под копирку.

– Что это за соображения?

– Вы понимаете, Юлия Сергеевна, я излагаю вам все в таком порядке и с такой степенью откровенности, как это мне предписал Андрей Леонидович. Не более и не менее. Отклоняться от его директив я не имею права. В определенное время вы все узнаете. А для начала нужна подробнейшая информация о господине Свирском.

– Это все? – нахмурившись, спросила я. Надо сказать, не люблю, когда от меня что-то скрывают, да еще прямо говорят об этом.

– Пока да. Информация по Свир...

– Я вас прекрасно понимаю, – прервала его я и, положив на стол ноутбук, открыла его. Василий пристально следил за моими манипуляциями.

– Пожалуйста, – сказала я и повернула экран к агенту Грома. – Досье на Свирского. Достаточно подробное, на мой взгляд. Впрочем, я полагаю, что потребуется более живая информация, если можно так выразиться.

Василий посмотрел на меня уже не столь застывшим взглядом, а потом придвинул к себе ноутбук и начал читать.

СВИРСКИЙ Адам Ефимович. Род. 17. 5. 1960. Президент фирмы «Адамант». Владеет ювелирными магазинами «Мазарини» и «Кристалл-А». Совладелец банка «Гросс-банк», имеет контрольный пакет акций хлебопекарного завода «Берро», блокирующий пакет акций сети коммерческих аптек «Эскулап». Меценат. Вкладывает значительные средства в сферу среднего, специального и высшего образования. Женат. Имеет дочь Еву, пяти лет, и сына Леонида, тринадцати...

И так далее и тому подобное.

* * *

Василий читал около десяти минут, поскольку информации было достаточно: данные по ФСБ, по налоговой полиции и инспекции, копия личного досье на Свирского для Совета безопасности области. Впрочем, впечатление от прочитанного никак не отражалось на его лице.

Закончив ознакомление с материалами на Свирского, он поднял на меня глаза и спросил:

– У вас такие сведения на каждого мало-мальски значимого жителя области?

– Да, на многих. Какие вопросы теперь?

Василий молчал. По всей видимости, его если не впечатлило, то порадовало то, с какой быстротой я представила ему все необходимые данные об интересующем нас человеке.

– Может, пора уже сказать мне то, что подозревает Андрей Леонидович? – спросила я. – Я видела интервью с моим старым знакомым Валерой Конновым, но думаю, что он сказал далеко не все из того, что касается убийства банкира Даниила Демидова.

– А у вас самой есть какие-нибудь соображения? Ведь, как вы правильно заметили, «заказуха» в Питере и здесь, в Тарасове, была фактически идентична. Вы были в гимназии. Что можете сказать?

– А что тут скажешь? Только то, что убийца был в зале и на редкость удачно подготовился.

– Так может сказать любой дилетант. А что вы скажете как профессионал?

Я подвинула ноутбук к себе и произнесла с явным скептицизмом в голосе:

– Знаете, Василий, вы напоминаете мне батюшку-настоятеля, который только что выкушал бутылочку водки и теперь, растроганный алкоголем, умиленно отпускает прихожанину грех неумеренного пьянства.

– Не понимаю.

– Возможно. Я иногда люблю изъясняться аллегорически. Особенно когда не выплусь. Так что вы не сочтите меня заумной. Хорошо? Я полагаю, что вам есть что сказать по поводу данных Андреем Леонидовичем директив.

– Он полагает, что было бы целесообразно взять Свирского под контроль. Теперь я вижу, что вам это было бы легче сделать, чем кому бы то ни было.

– Взять под контроль? – переспросила я. – То есть – установить за ним слежку и поставить на прослушивание его дом и телефоны?

– Да. Кроме того, вы знакомы с ним лично. Он знает вас как клиента своего родственника Гроссмана, юрисконсульта губернатора.

– Все это можно сделать, – сказала я. – Но я совершенно не усматриваю связи между Свирским и убийствами Гроссмана и Демидова. Или, может, мне нужно установить ее искусственно?

– Значит, вы не понимаете?

– Нет. Объясните.

– Кажется, я уже упоминал, что Свирский финансирует ряд учебных заведений Тарасова?

– Да.

– Дело в том, что гимназия номер два, в которой убили Гроссмана, тоже фактически содержится на деньги, находящиеся в обороте предприятий Свирского.

– Да, знаю.

– А теперь прикиньте: кто мог убить Гроссмана? Кто-то из присутствующих в зале «новых русских»? Едва ли. Они нашли бы более удобное место. ФСБ? Мы бы знали. Это мог сделать только тот, кого никогда бы не заподозрили в причастности к убийству. Тот, кто к тому же знал о вечере в гимназии, о времени, когда он состоится, и о месте, на котором будет сидеть банкир Гроссман. Ведь номера ряда и места были обозначены в приглательном билете.

Я подняла голову и с интересом взглянула на Василия. Его глаза горели.

– Вы считаете, что это мог сделать... кто-то из преподавателей гимназии? – медленно проговорила я. – Так?

– Совершенно верно! Такую гипотезу выдвинул Андрей Леонидович.

Я подумала, что такое предположение, можно сказать, рабочая версия, вполне согласуется с моими собственными словами в прокуратуре. Словами касательно того, что стрелять могли непосредственно со сцены. Конечно, сцену осматривали, но даже на старуху бывает проруха, равно как на самого опытного сыскаря – обидный прокол. И если предположить, что убийца – кто-то из преподавателей гимназии, то тогда становится более понятным, как был произведен этот роковой выстрел. Выстрел со сцены из-за спин мальчиков со шпагами в руках и читающей Шиллера девочки.

И все же, все же...

Все эти здравые размышления никак не отразились на моем лице, и сказала я совершенно другое: касательно того факта, что гипотеза выдвинута Суровым.

– С каких это пор Гром стал заниматься кропанием гипотез? – произнесла я.

– Кто?

– Гром. Старое кодовое имя... еще с тех пор, когда он и я работали в разведке.

– Не знал. Генерал предпочитает не афишировать свое прошлое.

– Еще бы...

– Хорошо, вернемся к нашим баранам, то бишь учителям. Коннов в Питере пошел по тому же пути. Перетряхивает преподавательский состав, подкапывается. Пока толку мало. По версии, в преподавательский штат мог быть внедрен новый человек. Но не будем по Питеру. Это дело Коннова. По Тарасову. В гимназии номер два около ста двадцати учителей. Заведение-то солидное, с большим штатом. Это мы еще из Москвы запрос оформили. Теперь, на

месте, буду выяснять поподробнее. Дело в том, что вопросами приема на работу учителей занимается Свирский. То есть не он лично, а его люди. Он только контролирует...

– Вы знаете, – мягко прервала его я, – все то, что вы только что мне поведали, с равным успехом могло быть передано в любое отделение милиции. Или лучше – ФСБ. Там ребята серьезные, прослушивание и слежка – это по их части. По всей видимости, вы сотрудничаете в отделе недавно и не знаете, что...

Теперь уже он перебил меня. Спокойно, вежливо, но – перебил:

– Юлия Сергеевна, я еще раз повторяю вам, что я выполняю директивы Андрея Леонидовича, и ничего сверх того. И если вам угодно обвинять в некомпетентности меня, то вам стоит переадресовать свои нарекания и генералу Сурову.

Так. Кажется, я переборщила. Вот как воздействует особый социальный статус даже на самого серьезного и дисциплинированного специалиста.

– Да, и еще, – продолжал Василий, не давая мне вставить и слова. – Вам нужно устроиться на работу в гимназию номер два. Вот документы на имя Сладковой Елены Владимировны, выпускницы филологического факультета МГУ, но тем не менее местной уроженки. Некоторое время вы работали в Москве и теперь по семейным обстоятельствам вернулись в Тарасов. Вот самые наилучшие рекомендации от ваших московских работодателей. Теперь о задачах. Вы должны отследить механизмы приема на работу в этом учебном заведении и уточнить, какую именно роль играют во всем этом люди Свирского. Внешность, разумеется, следует изменить. Возможности современной косметики и визажистики таковы, что из черта можно сделать ангела. Это я не к тому, что вы представляете собой одну из названных персон, просто хочу сказать, что у вас, кажется, всегда хорошо получалось кардинально менять внешность без ущерба для общего обаяния. Читал ваше досье. Ладно, я отвлекся. После того как вы устроитесь... а в том, что вы устроитесь, я не сомневаюсь, как не сомневается и генерал Суров... после этого вам надлежит установить личные контакты с учителями. С упором на тех, кто пришел на эту работу относительно недавно. И еще – на тех, кто будет увольняться. Впрочем, не мне вас учить.

Я закрыла ноутбук и выпила кофе. Молчала. Потом невесело засмеялась и произнесла:

– Хорошо, Василий. Я вижу, что мы сработаемся.

Последнюю фразу я сказала без всякой иронии.

Глава 4

Гимназисты

Адам Ефимович Свирский был солидным представительным мужчиной сорока лет, внешне довольно похожим на Гроссмана, несмотря на то что кровными родственниками они не были. Я встретила с ним в особняке Гроссмана. Он сидел в огромной гостиной, в глубоком черном кожаном кресле, любимом кресле Бориса Евгеньевича, и мрачно курил сигарету, хотя в доме Гроссмана курить было не принято.

Но сейчас на табачный дым и на серый пепел прямо на зеркальной поверхности журнального столика никто не обращал внимания. В гостиной находились еще женщина в черном, с белым лицом и намертво стиснутыми, переплетенными пальцами рук, и – Катя с Сережей.

Последние двое сидели молча неподалеку от Свирского и его жены, сестры Бориса Евгеньевича – да, это была Алла Гроссман, сестра покойного банкира, – и пустыми глазами смотрели в стену. Сережа машинально вертел в пальцах... пистолет.

Кошмарное совпадение.

Это был игрушечный пистолет, сработанный под «беретту». От настоящего вот так, на глазок, его мог отличить только профессионал.

Дорогая игрушка.

Катя первая заметила меня. Поднялась с кресла и, переставляя ноги, как заведенная кукла, подошла.

– А папины похороны послезавтра, – сказала она. И я вздрогнула, потому что сказано это было вполне обычным Катиным голосом.

– Да, я знаю. Катя... Катя, мне нужно с тобой поговорить. Ты только не волнуйся. Хорошо? Не будешь волноваться?

– А что мне волноваться? – произнесла она. – Я ничего... я не волнуюсь. Идем, Юля... в мою комнату идем.

Мы остались с Катей наедине. В ее большой, уютной комнате. Она в самом деле держалась спокойно, хотя ее губы побелели от напряжения. Не хотела расплакаться у меня на глазах.

Я приобняла ее за плечи и спросила:

– Катя... а когда папа решил, что он пойдет на этот вечер? Ведь он, насколько я знаю, никогда не ходил на твои гимназические мероприятия, хотя ты часто просила его об этом, да?

– Д-да...

– Когда ты сказала ему, что будешь читать отрывок из Шиллера?

– Я сказала... за два дня до вечера. Он не хотел идти. Я тогда сказала, что вообще уйду из дома к дяде Адаму и тете Алле... они всегда ходят к Леньке в его лицей, когда он просит.

– Ленька – это кто? Твой двоюродный брат?

– Какой он мне... брат? Он противный! Мерзкий тип! Он Сереже гадости рассказывает про свою горничную... как он ее там лапает и вообще... я про него даже говорить не хочу.

– Значит, ты сказала отцу за два дня до вечера в гимназии. А когда он согласился пойти?

– Он... да вот... только утром того дня, когда его... когда его...

Утром того самого дня. Так. Интересно. Конечно, это жестоко – травить девчонке душу, но ведь на основе ее слов можно сделать много полезных выводов.

– А кто, кроме тебя, знал, что папа идет на вечер?

Она нахмурила лобик. Напряглась. Напрасно говорят, что дети чувствительнее взрослых. В отдельных моментах они проявляют просто-таки феноменальную выдержку. Быть может, потому, что не сознают до конца трагичности происходящего.

– Кто знал? Кто знал? Ну как... Сережа знал. Юрка-охранник знал. Нет... ему папа не говорит... он сказал только перед самым выездом. Да... еще дядя Адам знал. Он приезжал за день до этого в гости. Папа ему говорил, что, может, пойдет, может, не пойдет. Или по телефону... не знаю.

Я наклонилась к самому уху девочки и сказала:

– Катерина, я задам тебе один вопрос... ты только не волнуйся и постарайся мне ответить.

Хорошо?

Она посмотрела на меня широко открытыми глазами и кивнула.

– Когда ты читала Шиллера, куда ты смотрела в этот момент?

– В зал...

– На папу?

– Нет, папы я не видела. Там темно было.

– Все время, пока ты читала?

Она подумала, продолжая морщить лоб, а потом замотала головой:

– Нет, не все время. Раза два там так... посветлело.

– Отсветы со сцены падали?

– Ну да.

– А папу ты в этот момент видела?

– Я все время его старалась разглядеть. Я тебя видела. Я его... его я увидела только... только когда свет снова зажегся и... – В горле девочки сухо хрипнуло, и я опять перехватила ее узенькие плечи и начала гладить по голове. У самой, против воли, комок к горлу подступил.

Она повернулась ко мне и произнесла:

– А ты, Юля... ведь ты можешь помочь... помочь найти, кто убил папу? Он всегда говорил, что от ментов... никакого толку. Ты же... у губернатора работаешь, я знаю... ты можешь помочь.

– Да, я постараюсь, – отозвалась я, и в этот момент в комнату вошел Сережа. В руках он крутил все тот же игрушечный пистолет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.